

Первый год войны в корреспонденциях Валерия Брюсова

В очерках Брюсова 1914 г. отразились настроения первых дней войны, и осмысление масштабов происходящего, и постижение ее бесчеловечности. «Когда я думаю об этом, — писал Брюсов в очерке “В Северной Польше”, — когда представляю себе немцев в тех самых городках, где был так недавно, <...> — война перестает быть для меня чем-то отвлеченным, чем-то таким, о чем читают и пишут в газетах, но реальным, страшным делом. И пусть каждый представляет себе, что враг вошел именно в его город, обидел именно его близких, занял именно его комнату, — тогда таким же реальным, страшным делом станет война для каждого»¹. Эта трансформация отношения к войне как к интересному, необычному явлению в понимание ее реальной страшной сути и подкупает прежде всего в брюсовских корреспонденциях.

Уже первые августовские сражения выявили сильные и слабые стороны противников, а также характерные особенности начавшейся войны. Многие из них нашли отражение в корреспонденциях Брюсова. В его очерках отражены успехи русской армии против австро-венгерских войск в Галиции (Юго-Западный фронт), упоминаются населенные пункты, обозначившие линию правого фланга (Люблин—Холм) и другого крыла (Тарнов—Перемышль), передается быстрота сражений у Красника и Томашова (Люблин—Холмская операция) и т. д.

Брюсов ощутил вкус войны, находясь на Северо-Западном фронте, где русским пришлось сражаться с немцами. Рассказывая об успехах армии П.К. Ренненкампа в Восточной Пруссии, внушавших надежды на скорую победу, он еще, наверное, не знал о трагедии армии А.В. Самсонова, окруженной и окончательно разбитой к 30 августа.

В сентябре обстановка на двух российских фронтах резко изменилась. Воспользовавшись неудачами русских войск на Северо-Западном фронте (несогласованность действий командующих армиями П.К. Ренненкампа и А.В. Самсонова, перехват секретных документов), немцы, спасая австрийскую армию, потерпевшую поражение на Юго-Западном фронте, начали наступление в русской Польше. Совершив проход вдоль Вислы, они нанесли удар в районе Лодзи, остановившись в двадцати километрах от Варшавы. К 18 ноября Лодзь была почти окружена, внутри незамкнутого кольца оказалось 150 000 русских солдат...

В очерках Брюсова, находившегося в это время в непосредственной близости от боевых действий, частично отражены эти драматические для России и Польши события. В результате совершенного командованием Северо-Западного фронта маневра и ожесточенных боев, в которых русские потеряли около 70 000 убитыми, Варшаву удалось отстоять. Чтобы защитить Лодзь, русские войска были вынуждены остановить свое наступление в Силезии.

¹ Данные о публикации цитируемых статей В.Я. Брюсова приводятся в разделе «Комментарии».

Между Варшавой и Перемышлем сосредоточилось 55 пехотных русских дивизий против 31 австрийской и 13 германских¹. Именно в эти дни против русских войск начали сражаться польские войска Пилсудского под общим командованием австрийцев...

Перечитывая художественные и документальные свидетельства о войне, вольно или невольно задаешься вопросом о *правде войны*. В связи с этим интересно мнение Ф. Степуна (философ, писатель, в годы войны был офицером-артиллеристом), имевшего возможность следить за публикациями на военную тему. Оценивая их с точки зрения правдивости, он высказался критически не только о творчестве начинающих, но и о писателях, ставших известными к началу Первой мировой, т. е. обо всех, кто во время войны стал художником-баталистом: «Так врут или, по крайней мере, *детонируют* все газетные живописцы войны. Брюсов и А.Н. Толстой, к сожалению, тоже не исключение: читая их, получаешь впечатление, что они задались целью изобразить поверхностностью своих наблюдений быстроту автомобильного бега»².

Поспешность в сообщениях газетчика, скорее всего, неизбежна. Масштабность событий оправдывает некоторую поверхностность суждений. Но детонация ко лжи не была свойственна публикациям В. Брюсова. Им присуще другое: смягчение облика войны, более яркое высвечивание героического в тружениках войны. И это не только следование жестким требованиям военной цензуры, редакционной позиции солидной газеты; это и этика военного времени — стремление нравственно поддержать воюющую нацию. Не сбросить со счетов и особенности читательского восприятия военной темы, рано появившаяся усталость общества от военных тягот. Однако за всем этим в исследовании творчества настоящего художника, а не только хроникера, не должна уходить на второй план его творческая индивидуальность, особенности его видения войны. Эти столь очевидные для литературоведов истины не всегда учитываются историками, обращающимися к литературе 1914–1918 гг. как свидетельнице событий, фактов военной действительности.

Перечитывая военную хронику В. Брюсова, сопоставляя его публикации с очерками других репортеров, можно сказать, что они, безусловно, интересны своими фактами и подробностями (в том числе, конечно же, и самыми маленькими) той большой войны, но ценны они не только в историко-бытовом плане. В них, естественно, нет передачи ощущений человека, убивавшего, стрелявшего, находившегося под артобстрелом или вражеским прицелом, совершавшего изнурительные переходы или гнившего в окопах. Некоторые неточности, а иногда чисто «репортерское» восприятие Брюсовым войны вызывали справедливые нарекания в «Письмах» Ф. Степуна. А стремление Брюсова наделить свои описания мельчайшими деталями из военной реальности заставило усмехнуться В. Маяковского. (Хотя сейчас эти детали военной и мирной жизни, например, в Польше воспринимаются с интересом, благодаря живому, легкому языку Брюсова.)

Война, действительно, выглядит подчас несколько стерильной, бутафорской, особенно в первых публикациях. И Брюсов, сам это понимая, стремился попытаться у очевидцев подробностей только что прошедшего боя, узнать о повадках немцев. В очерке «Рассказы очевидцев» автор пишет: «Что-либо новое о наших военных операциях узнать из этих рассказов, конечно, трудно. Каждой части приходилось действовать в ограниченном районе, и она была слишком занята своей ближайшей непосредственной задачей, чтобы следить за

¹ Уткин А.И. Первая мировая война. М., 2001. С. 139.

² Степун Ф.А. «Лугин Н.» Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000. С. 75.

событиями в их целом. К тому же простые солдаты плохо запоминают немецкие названия местностей и городов. <...> Все, с кем мне приходилось говорить, единогласно свидетельствуют, что наша ружейная стрельба выше немецкой. <...> Все также согласны, что русское ружье лучше немецкого. <...> Впрочем, о германской артиллерии все отзываются почтительно: “Умеют стрелять, пожалуй, не хуже нас”. Весьма многие рассказывают о недостойных приемах, которые употребляют немцы в бою <...>».

Однако «издержки» репортерского освещения войны не заслоняют достоинств военных корреспонденций Брюсова. В них ощутимо стремление автора понять, в чем отличие этой «войны механизмов» от предыдущих войн, что же такое настоящая храбрость («Бои под Ловичем»); описаны случаи неоправданной жестокости немцев на оккупированной территории, и в то же время звучит признание боевых достоинств неприятеля. А очерк о штаб-ротмистре Гурдове («Мимходом. Один из героев») можно считать началом реабилитации русского офицера, буквально ошельмованного в предвоенной литературе.

На наш взгляд, военные свидетельства Брюсова интересны тем, что наряду с хроникой репортера в них есть *эмоциональное восприятие* войны. Например, во втором очерке из цикла «Из Варшавы в Ярослав» читаем: «В поле, где еще недавно горел кровавый бой, крестьяне идут за бороной, засыпая свежеразбросанные зерна. Война проходит над странами, как ураган, как стихийное бедствие, а древний, вечный, исконный труд земледела продолжается из года в год, из тысячелетия в тысячелетие. Глядя на эти усердные работы на местах битв, я невольно вспомнил свои стихи: *Колеблются нивы от гула* <...> На многих деревьях — следы артиллерийских снарядов. Есть огромные сосны, расщепленные гранатами. Есть великаны-вязы словно срубленные у самого корня. Некоторые стволы унижены ружейными пулями. Тоненькие деревца, пробитые посередине, висят, жалостно перегнувшись...»

Общий духовный подъем в обществе, труднообъяснимая эйфория переданы в самом первом очерке — «Путь на Запад»: «Из мимолетных наблюдений, из случайных встреч и “вагонных” разговоров выносишь твердое убеждение, что то *настроение бодрости и веры в себя*, которое в Москве можно было объяснять ее сравнительной отдаленностью от совершающихся событий, *есть настроение всей России*. Видишь и слушаешь людей, случайно собравшихся в общем вагоне из самых отдаленных одна от одной губерний и из разных городов, — и ни одной ноты не проскальзывает в разговорах, которая нарушила бы всеобщую уверенность в нашем конечном успехе» (курсив наш. — *А.И.*).

Война в самых первых очерках Брюсова — это пока еще не сама война. Это скорее ожидание непременно победоносной, кратковременной войны, это околовоенный быт, прифронтовая жизнь. Это люди и города в ожидании беды. Такой мы видим прифронтовую Варшаву. «Само собой разумеется, — пишет Брюсов, — что вся Варшава с самым напряженным вниманием следит за событиями войны. Слишком большие надежды связаны у поляков с исходом этой “борьбы народов”, и слишком тяжелая роль выпала в ней на долю Польши, дети которой распределены по армиям трех разных государств и которая стала первой ареной кровавых столкновений. Кроме того, Варшава все же отчетливее других больших городов России слышит самые гулы битв. Всего в 100–150 верстах от города лежат местности, где появлялись передовые немецкие разъезды или которые временно были заняты германскими отрядами» («Проездом через Варшаву»).

Начало войны — массированные обстрелы, налеты авиации, разрушения мирных городов, гибель сотен тысяч людей — породило ощущение драматизма происходящего, осмы-

сление жестокости, бесчеловечности. И в очерках, написанных в сентябре–ноябре, начинают проявляться подлинные лики войны XX века.

В своих материалах Брюсов не раз выражал мысль о том, что это какая-то *иная война*. Так, в начале октября он заметил: «В конце концов борьба русской армии с прусским нашествием есть борьба *живой силы с мертвым механизмом*. Немцы всего более полагаются на свою *технику*» («На Северном фронте»; курсив Брюсова).

Не остались незамеченными *масштабы* боевых действий: «Фронт тех немецких сил, которые непосредственно угрожали Варшаве, тянулся почти на 100 верст (если считать действия против Ивангорода отдельной операцией). В прежнее время, столетия назад, это считалось бы громадным боем, генеральным сражением. Но масштаб современной войны так велик, что все движение немцев на Варшаву оказывается лишь одним эпизодом в наступлении германской армии на центральную Польшу. Бой при Прушкове, с такой точки зрения, кажется ничтожной пылинкой, почти незначимым явлением в кругу великих событий» («После победы. I: Поле битвы»). Не сразу, но были отмечены некоторые особенности *позиционной, окопной войны*: «Многие сооружения возведены словно напоказ: геометрически правильно выровнены края окопов, прочно, как бы на долгие годы, устроены прикрития; с суровым вкусом обрезаны углы фортов. Можно любоваться этой солидной и по-своему красивой работой. Вместе с тем окопы были рассчитаны так, что давали возможность под прикритиями и подвигаться вперед и отступать» («После победы. II: Основы наших побед»).

Один из очерков Брюсова называется «Фантастика войны». К числу «фантастических» еще вчера примет автор относит *дальность и интенсивность артиллерийской стрельбы*: «“Артиллерийские дуэли” заполняли всю первую половину боев под Варшавой. Противники стояли так далеко друг от друга, что целиться приходилось по картам и по компасу. Боролись жестоко, не видя один другого».

Не менее фантастичным, чем чудеса техники, корреспонденту представляется *привыкание к войне*: «Давно известно, что на войне к облику смерти привыкают. Его видят так часто, что смерть перестает казаться чем-то страшным. В повседневной жизни одного покойника провожают десятки или даже сотни живых — близких, родственников, знакомых: там умерший — явление исключительное, и кажется, что смерть приходит редко. На войне, в походе, убитых приходится видеть каждый день, и люди осваиваются с мыслью, что смерть — обычное событие в ряду других событий нашей жизни. Вид убитых немцев не вызывает в наших солдатах никаких мрачных предчувствий, только приводит на память различные моменты недавнего боя».

Растущая буквально на глазах мощь вражеской *авиации* отмечена в очерке «На Северном фронте»: «Богато оборудована прусская армия и воздушными силами. До войны считалось, что Германия занимает далеко не первое место по размерам своего воздушного флота; теперь это мнение необходимо изменить. Несмотря на то, что немцы почти ежедневно терпят урон в воздушных боях, теряют десятками аэропланы и насчитывают уже немало подбитых и захваченных цеппелинов, — немецкие летчики продолжают кружить над всеми неприятельскими позициями. Словно на место одного сраженного воздушного чудовища у них вырастает два других. Когда я совершал поездку по северу Плоцкой губернии (перед самым занятием ее германцами), немецкие аэропланы летали стаями».

И дело не только в количестве летательных аппаратов у немцев. Брюсов не мог знать, что благодаря воздушной разведке, прослушиванию нашей радиосвязи немцы были прекрасно осведомлены о действиях русских войск.

Как и другим русским военным корреспондентам, Брюсову был свойствен *интерес к противнику*: кто он, немецкий солдат; каковы его воинские качества? И если в первых очерках храбрость немцев объяснялась их пьянством (было и такое!), то чуть позднее он пишет: «Теперь, после двухмесячного опыта, все в нашей армии признают, что прусские солдаты обладают превосходными боевыми качествами. Они стойки в бою, грудью идут против артиллерийского огня, на штыковой удар готовы ответить штыками же; они не способны на ту панику, которая овладевает в случае поражения солдатами австрийскими...». И даже в плену «пруссаки способны воспользоваться любым случаем, чтобы вырвать из рук стражей оружие, начать отчаянную борьбу, бежать».

Брюсов обратил внимание на «различие в эволюциях немецких и русских летчиков. Немецкий аэронавт вносит и в свое дело прусскую методичность. Он летит прямо, ровно, неспешно; при обстреле медленно поднимается выше. Видно, что, неуклонно описывая над городом круг за кругом, он с точностью выполняет данное ему поручение. Русский летчик, напротив, бросается ввысь стремительно, взлетает как пущенная стрела и как ястреб гонится за врагом. Немец, заметив погоню, спокойно поворачивает и начинает уходить как будто неторопливо, но развивая все большую и большую скорость...» («На Северном фронте»).

Существуют ли звуки, краски, слова, передающие подлинный ужас войны? Наверное, для того чтобы подобрать их, надо пережить, испытать непосредственно этот ужас. Как военному корреспонденту Брюсову приходилось самому терпеть некоторые тяготы, трудности с ночлегом и питанием, видеть жителей, оставшихся без крова... В одном из очерков Брюсов описывает поле недавнего боя, усеянное «расстрелянными патронами. (...) Тут же — разорванные ранцы и сумки, погнутые походные фляжки, ременные пояса, фуражки, записные книжки, размокшие от дождя (...) Немного далее, за кирпичным заводом, — уже десятки трупов. Все — немецкие солдаты, так как наших санитары хоронят в первую очередь. Убитые частью положены в ряд, для погребения в общей могиле, частью остались на тех местах, где их застигла смерть. Здесь есть юноши лет по 20-ти, как будто улыбающиеся; есть brave, усагие пруссаки, есть простые мужицкие лица. (...) В другом месте поля, за стогом сена, — группа убитых шрапнелью лошадей. Зрелище чудовищное: оскаленные зубы, закатившиеся глаза, разорванные животы, дико поднятые вверх и так окоченевшие ноги» («После победы: (На полях битв под Варшавой). I: Поле битвы»). Но можно ли себе представить, что же творилось на этом поле во время боя?

Первая мировая быстро приняла ставший привычным для Брюсова облик: «Всюду была одна и та же картина: несчетные окопы в полях и вдоль шоссе; вновь сооруженные форты для артиллерии, окруженные колючей проволокой; миллионы расстрелянных патронов, засыпавших почву, словно выпавший медный град; разрушенные или поврежденные снарядами строения; срубленные и поваленные деревья; трупы лошадей, а иногда и человеческие тела, ждущие погребения; ряды свежих крестов над братскими могилами» («После победы: (На полях битв под Варшавой). II: Основы наших побед»).

Очерки Брюсова *гуманистичны*. Сейчас, когда мир знает о жестокостях Второй мировой войны (особенно Великой Отечественной), о происходившем на захваченной фашистами территории, о лагерях смерти Дахау, Освенциме, о газовых камерах, можно со снисходительной улыбкой читать о том, что немцы, оккупировавшие тот или иной польский город, могли не заплатить за товары в магазине, что немецкий офицер грубо обозвал мирного жителя. Случаи варварства, становясь все привычнее, были предметом обсуждения в тогдашней

прессе, но автору трудно говорить об этом спокойно: «Немцы, взломав частные квартиры, выбрали из них все сколько-нибудь ценное: серебро, меха, даже мебель. Все это было сложено на подводы и увезено в Пруссию. А то, что осталось, немцы намеренно испортили: порвали обои на стенах, порубили ножки у диванов, разбили хрусталь... Ряд подобных рассказов был похож на кошмар; наперекор всем свидетельствам, не хотелось верить такому поистине “варварству”» («На Северном фронте»).

Однако Брюсову не свойственно какое-либо смакование, гипертрофированный интерес к подобным выходкам оккупантов. Для нас же становится очевидным утверждение историков, что Первая мировая, с ее нарушениями законов и обычаев войны, была во многом предшественницей Второй мировой войны. Брюсов, скорее всего, не знал, что пытки и убийства военнопленных стали все чаще применяться немцами и австрийцами, что в первые месяцы войны немцы использовали разрывные пули «дум-дум», запрещенные Гаагской конвенцией.

Гуманизм Брюсова заключается в его отношении ко всем, кто вынужден нести тяготы войны, в том числе и к мирным немцам. В очерке «Письма врагов и к врагам» приводятся послания немецких женщин на фронт, своим близким. Нескрываемое сочувствие автора к судьбам этих людей позволяет ощутить всеохватный характер военной трагедии. А бесчеловечность войны становится очевиднее при сопоставлении фронтовых будней с прежней мирной жизнью, с надеждами на послевоенный мир.

Первый год войны стал для русской армии годом побед и еще больших поражений. Остались в прошлом надежды на ее краткосрочный характер. К началу 1915 г. из пяти с половиной миллионов Россия потеряла 1 млн 350 тысяч убитыми, ранеными и военнопленными. По сути, был уничтожен цвет русской армии. Поступавшее пополнение — это плохо обученная и слабо вооруженная масса. Тогда как немцы все более активно демонстрировали техническое преимущество — авиацию, радиосвязь, тяжелую артиллерию.

Зима 1915 г. стала поистине временем отрезвления. Линия фронта постепенно смещалась на восток. Замаячила перспектива затяжной позиционной войны на истощение... Нарастающая тревога и вместе с тем какой-то спад в энергии повествования будут характерны для брюсовских публикаций на втором году войны.